

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
февраль 1981 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

7. J.Stewart, Burmese Drama, - Journal of Burma Research Society, Fiftieth anniversary publications, no.2, Rangoon, 1960.
8. J.J.Ras, Function and background of Indonesian Panji stories,- XXIX congrés international des orientalistes, Resumés des Communications, sections 8-10, Paris, 1973.
9. B.E.Ward, Not merely players: Drama, Art and Ritual in Traditional China,- Man, Journal of Royal Anthropological Studies, vol.14, number I, March, 1979.

Т.Ю.Ельцова

**"ШАСТРА < БУКЕТ БЕЛЫХ ЛОТОСОВ > - ПРЕКРАСНОЕ УЧЕНИЕ,
ИССЛЕДУЮЩЕЕ МУДРОСТЬ И ГЛУПОСТЬ" - МОНГОЛЬСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАМЯТНИК XIX ВЕКА.**

В период утверждения в Тибете новой "желтошапочной" секты Гелут-па северного буддизма, возглавленной Дзонхавой, и ее острой борьбы за мирскую и духовную власть, было написано немало сочинений, которые выражали идеологию новой секты, а так же помогали усилить ее влияние на верующих. К их числу принадлежит появившаяся в XVI веке шастра "Букет белых лотосов" (padma dkar-po'i chun-po) - сочинение Соднам-дагцы (1478-1554), пятнадцатого настоятеля монастыря Галдан, учителя третьего Далай-ламы. Шастра состояла из догматических изречений, излагавших морально-этические нормы секты Кадам-па, и стихотворных пояснений, доступных пониманию не слишком просвещенных в религии мирян. Шастра получила некоторую известность в литературе северного буддизма, но не приобрела подлинной популярности в тибетской литературе.¹

Лишь в 1853 году шастра была дополнена комментарием под названием "Луч солнца" (mkhas-pa dang blun-po brtag-pa'i bstan bcos dge-ldan legs-bshad padma dkar-po'i chun-po'i 'grel-pa nyi-ma'i 'od-zer zhes bya-ba bzhugs -so), написанным тибетским вероучителем Янджин Гави-лодоем, о чем свидетельствует колофон.² "Луч солнца" вошел в собрание сочинений этого писателя, прославившегося под именем Аджа Ёнцзин.³

Уже вскоре после появления тибетского комментария, шастра, вместе с этим комментарием, появилась в своей монгольской версии и быстро завоевала одно из ведущих по популярности мест в монгольской буддийской литературе. В рукописных хранилищах имеется значительное количество списков и ксилографических изданий монгольском

перевода шастры и комментария. Так, в библиотеке восточного факультета ЛГУ их 13, а в фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР – 29. Большая часть списков и ксилографов датируется XIX веком, что делает очевидным сравнительно быстрое распространение шастры в разных частях Монголии и большой спрос на нее среди монгольских читателей.

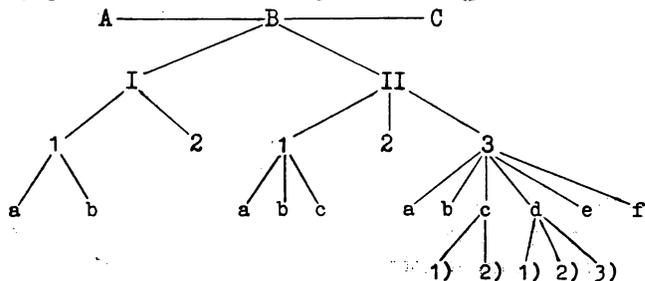
Монгольским переводчиком и толкователем шастры и комментария к ней был Агван Лувсан Галсан Джамба – бурятский лама монастыря Онон Цуугал. Дважды он возвращался к своей работе и создал две редакции перевода. В соответствии с колофоном первой редакции, инициатором перевода был лама Лувсан Лхундов (1778–1859), настоятель монастыря Онон Цуугал.⁴

В первой редакции автор оставил композицию "Луча солнца" без изменений. В начале комментария дается своеобразное оглавление, указывающее на наличие в нем трех основных частей:

- А/ "разъяснение названия";
- В/ "разъяснение содержания";
- С/ "выводы".⁵

Затем каждая из частей рассматривается в отдельности.

Основой сочинения является часть В, состоящая из нравучений и сказок. Она расчленена на два больших раздела (условно обозначим их римскими цифрами I и II), каждый из которых распадается соответственно на два и три подраздела (обозначим их арабскими цифрами 1, 2 и 1, 2, 3). В свою очередь первый подраздел первого раздела состоит из двух пунктов, первый подраздел второго раздела из трех пунктов, а третий подраздел второго раздела из шести пунктов. Если пункты условно обозначить буквами латинского алфавита а, в, с, d, e, f, то пункты "с" и "d" третьего подраздела делятся соответственно на два и три подпункта (обозначим их арабскими цифрами со скобками).

Композиция осложнена еще и тем, что автор на протяжении всего повествования придерживается вышеуказанной системы своеобразных оглавлений в начале каждого из разделов, подразделов, пунктов и под-

пунктов, т.е. прежде перечисляет их, а затем уже поясняет каждый в отдельности, но не повторяет названия.

Имея столь сложную организацию, сочинение, вероятно, было трудным для восприятия не искушенным в буддийских философских тонкостях читателем. Это обстоятельство, очевидно, было ясно осознано Агван Лувсан Галсан Джамбой и привело к созданию новой редакции шастры и комментария, рассчитанной на популяризацию текста.

Во второй редакции сочинения (в соответствии с кодофоном, работа началась в 1867 году, а закончилась в 1868 году)⁶ автор перестроил его композицию, значительно сократив догматическую часть; он разделил повествование на восемь глав и оформил каждую главу в виде самостоятельной книги. В свою очередь, каждую из глав разделил на семь параграфов, связывающих порядковыми номерами главы между собой (т.е., вслед за седьмым параграфом первой главы идет восьмой параграф второй главы и т.д., всего 56 параграфов).

Каждый из параграфов представляет собой краткое догматическое изречение, иллюстрируемое двумя четверостишиями, которые в свою очередь поясняются притчами, раскрывающими смысл четверостишья. Например, восьмой параграф:

"Демонстрация различия измены и верности взаимной любви".

Первое четверостишие гласит:

"После того, как восторжествует великая мудрость,

Любовь никогда не иссякнет.

Познайте, как бодисатва-спаситель

Избавил множество обезьян".

И далее следует притча об обезьяне-бодисатве: в глухом лесу на берегу реки возле фруктового дерева собрались обезьяны, среди которых была обезьяна-бодисатва. Один плод с дерева упал в реку, попал в руки хана и прельсился ему по вкусу. Хан с войском явился в лес и рассвирепел, увидев, что обезьяны едят плоды. Он повелел убить их. Тогда обезьяна-бодисатва, перекинув свое тело в виде моста через реку, дала возможность спастись своим товарищам. Но, убегая, они топтали ее тело и сильно покалечили его. Когда потерявшую сознание обезьяну-бодисатву привели в чувство и спросили, почему она, не жалея себя, спасла остальных, она ответила: "Пожалев других, исполнила товарищеский долг", - и испустила дух.

Второе четверостишие гласит:

"После того, как восторжествует безмерная глупость,

Происходит предательство из-за пустяка.

Познайте, как плохой лев

Предал добродетельного дятла".

Примером к этому стихотворению является история о том, как лев подавился костью, а дятел эту кость вытащил, выручив льва из беды. Когда же несчастный дятел был голоден и обратился ко льву, поеданному мясу, с мольбой о помощи, тот прогнал птицу, забыв о ее прежнем благодеянии.⁷ Подобным образом в каждом параграфе путем противопоставления раскрываются дурные и хорошие качества и поступки живых существ.

Способ толкования догматического изречения примером-сказкой довольно широко использовался в индийской, тибетской, монгольской литературах. Такая модель восходит к широко известной "Панчатантре", к комментариям к "Субашиду", "Капле Рашияны", причем некоторые сказочные сюжеты из последних включены в шастру "Букет белых лотосов": "Лягушка-путешественница", "Лиса, упавшая в синюю краску", "О том, как Гарди стал для Вишну конем", "Ведьмы морского полуострова", "Про лису, которая погибла, попав между рогами двух баранов", "Как заяц сбросил льва в колодезь", "Хан и мясник с пестрыми ногами", "О том, как продали сандал, превращенный в уголь", "Как поссорились филин и ворон", "Как лиса нагрузила мясо на льва, а сама шла следом и охала". Тесное переплетение индийских, монгольских тибетских сюжетов характерно для буддийских, а по существу фольклорных сборников жанра "тайлбури" (т. наз. "комментарий"), к которому относится исследуемое сочинение.

Но помимо сказок смешанного происхождения, в "Букете белых лотосов" встречаются исконно индийские сюжеты, например, сказка, передающая краткое содержание "Махабхараты". Есть в рассматриваемом сочинении и легендарные сюжеты чисто тибетского происхождения: "Легенда о том, как хан Сронцзан-Гамбо послал чиновника Уран за китайской принцессой", "О том, как хан Дигум-Дзамбо потерял государство и оно досталось чиновнику Ло-Ам", "О том, как победили Ландарму". Как сюжет используется история монгольских ханов, заимствованная из "Голубых анналов" – тибетского историографического сочинения второй половины XV века.⁸

Цель сочинений, известных в истории монгольской литературы, как "тайлбури" состояла в изложении отдельных догм буддизма в наглядной, увлекательной, приспособленной к народной специфике форме, доступной мирянам. По художественным представлениям того времени считалось: чем более известные произведения, вернее – сюжеты из них, использовал автор для разъяснения поучений, тем выше оценивался его труд.

Как очевидно, литературная работа, проделанная Агван Лувсан Галсан Джамбой имела успех, о чем свидетельствует быстрое распро-

странение списков сочинения среди монгольских читателей. В известной мере монгольская версия шастры "Букет белых лотосов", это новое литературное явление в северном буддизме, сопоставимое по своей значимости со столь популярными сборниками, как "Панчатантра" и "Волшебный мертвец", как тайлбури к "Субашиду" и "Каше Рашияны".⁹ Именно поэтому "Шастра «Букет белых лотосов» – прекрасное учение, исследующее мудрость и глупость" может быть распеченена как типическое явление в жизни интеллектуальной монгольской среды своей эпохи, важность которого заключается прежде всего в его морально-этическом звучании, в проповеди определенных нравственных идеалов, выраженных в приемлемой и привычной форме сказок, притч, изречений.

1. Первоначальный тибетский текст шастры "Букет белых лотосов" до сих пор не введен в научный оборот. По устному свидетельству тибетского ученого Л.С.Дагьяба (Университет г.Бонна, ФРГ), шастра сохранилась в собрании сочинений Соднам-дагпин, которое находится в центре тибетской эмиграции Дхармасале (Индия).
2. mkhas-pa dang blun-po brtag-pa'i bstan bčos dge-ldan legs-bshad padma dkar-po'i chun-po'i 'grel-pa nyi-ma'i 'od-zer zhes bya-ba bzhuugs-so, ксилограф, Тиб.фонд ЛО ИВ АН СССР, коллекция Цыбикова, № 72, т.1, л.102а.
3. акуа yongs-'dzin. Собрание сочинений в Тиб.фонде ЛО ИВ АН СССР, коллекция Цыбикова, № 72, т.1 (423 л.), т.2 (417 л.).
4. mergen kiged teneg-i šinžilekū tegūs buyan-tu sayin nomlal šayan lingqus-un baylay-a kemegekū šastir-un tayilburi naran-u gerel neretū orošiba, ксилограф, Монг.фонд библиотеки восточного ф-та ЛГУ, Д-315, л.122в.
5. Там же, л.2а.
6. mergen teneg-i šinžilekū sayin nomlal šayan lingqus-un baylay-a kemegekū šastir-ača naiman bülüg orošiba, ксилограф, Монг.фонд ЛО ИВ АН СССР, Н-54, Ех.1, л.16а.
7. Там же, qoyadugar bülüg, л.1в-4в.
8. Д.Ёндон, Цагаан лянхуан баглаа – в сб. Монголын уран зохиолын тойм II. Улаанбаатар, 1977, с.568.
9. Владимирцов Б.Я., Монгольский сборник рассказов из Pañcatantra. Петроград, 1921, с.16.
Ц.Д.Жамцарано, Образцы народной словесности монгольских племен, т.1. Произведения народной словесности бурят, Петроград, 1918, с.Х1.